

А

СТРЕКОЗА

ЕКАТЕРИНА ШИТОВА

18+

Екатерина Шитова

Стрекоза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70067845

SelfPub; 2023

Аннотация

Дана не такая, как все. Ее мучают видения, а после трагедии в семье ситуация усугубляется. Лечение в психиатрической клинике даёт лишь временный эффект. Тогда отчаявшийся отец идет на крайнюю меру – он отвозит дочь в Карелию. Там, в живописных краях, где раскинуло свои воды священное озеро Лаайниккен, живет шаманка Айно, которая исцеляет душевные недуги. Вот только обряд исцеления оказывается вовсе не безобидным! Сможет ли Дана разгадать все тайны Лаайниккена, и пойдет ли она на ту жертву, которую ждут от нее здешние духи? Захватывающая мистическая повесть о взрослении, о принятии неизбежного и о пути к себе, который подчас бывает долг и полон тайн.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Екатерина Шитова

Стрекоза

Глава 1

“Я хочу увидеться с тобой. Ты один меня понимаешь...”

Я набрала сообщение, стерла, а потом снова набрала и нажала “отправить”. С замирающим сердцем я отложила телефон в сторону и зажмурилась. Ответа не было. Я выждала пять, десять минут, а потом к горлу подкатила паника. Задыхаясь от волнения, я снова схватила телефон и напечатала дрожащими пальцами:

“Я не шучу. Мне очень плохо! Ты мне нужен!”

Через минуту я снова написала:

“Ответь хоть что-нибудь!”

Бросив телефон на диван, я встала, подошла к зеркалу, обклеенному по краям фотографиями рок-исполнителей. Вытерев под глазами темные разводы от туши, я взяла из косметички карандаш, по новой подвела глаза черным цветом и снова бросила взгляд исподлобья на молчащий телефон. Над ухом прожужжало. Я обернулась – возле меня кружила черная стрекоза. Я стала нервно размахивать руками, но она тут же исчезла, как будто растворилась в воздухе.

– Бесит! Все бесит! – сквозь зубы процедила я.

А потом услышала стук в дверь своей комнаты.

– Дана, я дома! – прокричал из прихожей отец, – убавь громкость, дорогая, иначе сейчас к нашей квартире снова сбегутся все престарелые дамы нашего подъезда.

Я закатила глаза, подошла к музыкальному центру и выключила музыку. После того, как хэви-метал, разрывающий колонки, стих, комнату заполнила странная, неприятная тишина. Я в последнее время совсем не выносила тишины, мне сразу же становилось страшно, слышались голоса, хотелось бежать как можно дальше из этой тихой квартиры. Меня спасала лишь музыка, но, как выяснилось, старушки нашего многоквартирного дома, ее на дух не переносят. Они постоянно жаловались отцу на то, что у нас слишком шумно, и музыка мешает им спать. А спали они, судя по всему, круглые сутки.

Я накинула на плечи кожаную косуху и вышла из комнаты.

– Ты куда, солнышко? Я принес нам вкусный ужин – забежал по пути домой в ресторанчик и взял еды на вынос, как ты любишь.

Голос отца прозвучал неестественно ласково. Он внимательно осмотрел мое ярко-накрашенное лицо, бросил взгляд на короткую юбку, но ничего не сказал вслух по поводу макияжа и вызывающей одежды. Психолог, к которому мы ходили вместе с отцом, попросила его меньше придираться к моему внешнему виду. Отец очень старался соблюдать рекомендации специалиста, но ему это сложно давалось. Напри-

мер, сейчас он весь покраснел от напряжения. Было видно, что он еле сдерживается, чтобы не высказать свое мнение по поводу моего вульгарного макияжа.

– Я гулять, – угрюмо сказала я, завязывая шнурки на грязных кроссовках.

– А как же ужин? – спросил отец, помахав перед моим лицом бумажным пакетом, от которого исходил мясной аромат.

– Я не голодна, – безразлично ответила я и вышла из квартиры.

– Будь дома не позднее десяти! – прокричал мне вслед отец.

– Ага, щас! – огрызнулась я себе под нос, заходя в лифт, – чтобы ты мне весь вечер промывал мозги?

Отец не слышал этих злых фраз. Он улыбнулся мне из дверного проема и закрыл дверь, а я нажала на кнопку, и лифт, натужно скрипя, поехал вниз. Внезапно на потолке моргнула лампочка, я взглянула в заляпанное зеркало и вздрогнула от неожиданности – рядом с моим ярко-накрашенным лицом в воздухе повисло еще одно лицо – бледное, неживое. Это было мамино лицо. Глаза сначала были закрыты, а когда резко открылись, передо мной будто разверзлись две черные пропасти. Я напряглась, сжала кулаки, зажмурилась. Лицо исчезло, и я судорожно выдохнула. Лампочка в лифте снова моргнула и затрещала. Не хватало еще застрять тут! С моей удачливостью, это легко могло произойти. Но в

этот раз обошлось. Выйдя из подъезда, я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, потом достала из кармана телефон и набрала на ходу новое сообщение:

“Мне казалось, что ты нормальный парень, а ты мудака. Когда мне плохо, тебя нет! Вот пойду и сброшусь с крыши!”

Поставив телефон на беззвучный режим, я сунула его обратно в карман, натянула на голову капюшон и бесцельно побрела вперед. На улице был премерзкий ноябрьский вечер. Я не знала, куда идти, и просто шла – не важно куда, главное, подальше от дома, в котором я всегда вижу ее – мою умершую маму...

Мою маму звали Алена, или Айли, как ее называл отец. Откуда взялось такое странное прозвище, я не знаю, но отец говорил, что оно появилось еще до того, как они с ним поженились. Она мне часто снится – стройная, высокая, красивая, с длинными, темными, идеально-гладкими волосами. Во сне она всегда ласково смотрит на меня – так же, как при жизни. Мне до сих пор кажется, что я во сто крат хуже, чем мама обо мне думала. Неопрятная, с короткой, вечно растрепанной стрижкой, в мешковатой одежде – я совсем другая, во мне нет ни толики маминой утонченности. Но мама никогда не пыталась меня изменить или переделать.

– Пусть Дана носит то, что ей нравится, – говорила она папе, когда я вновь вместо платья надевала в школу черный балахон и джинсы с разрезами на коленях.

– Айли, а если завтра она придет с проколотым пупком, ты будешь так же добра к ней?

Мама ничего не отвечала на это, лишь звонко целовала папу в губы. Это ее оружие всегда работало. Папа прекращал бубнить и подставлял лицо для маминых поцелуев. А я, как любой подросток, вздыхала, закатывала глаза, делая вид, что мне до ужаса противно смотреть на это, и уходила в свою комнату. Но на самом деле, мне нравилось, что мои родители любят друг друга. Любому ребенку теплее жить, когда родители любят друг друга.

Несмотря на то, что мы с мамой были совсем разные, окружающие часто говорили, что мы похожи. Наверное, потому что у нас обеих были черные волосы, бледная кожа и темно-карие, большие, слегка раскосые глаза. Ну и ещё мы обе с ней были своенравны, упрямы и остры на язык. Мама шутила, что мы с ней особенные, как редкий вид черных стрекоз.

– Почему чёрные стрекозы? Таких не бывает! – смеялась я.

– Еще как бывают! У них самые острые зубы и самые сильные крылья. За нашей женской хрупкостью тоже скрываются острые зубы! В самых сложных ситуациях, даже когда выхода нет, помни, что у тебя есть зубы и крылья, Дана! Поняла?

– Поняла! Я зубастая стрекоза! Я лечууу! – смеялась я и, раскинув руки, бегала по комнате, ловила маму в объятия.

Сейчас, когда мамы больше нет рядом, я не ощущаю той

легкости, о которой она говорила. Я не стрекоза, я тяжелая, неповоротливая черепаха. Невыносимая тяжесть горя живет внутри меня. Тяжесть и злость на мир за его несправедливость. Эти чувства накрыли меня панцирем в тот момент, когда я узнала, что мама погибла, и с тех пор я не могу из него выбраться. Иногда мне кажется, что она бросила меня, оставила одну-одинешеньку на произвол судьбы. Это было не столько больно, сколько обидно. Может, из-за этой обиды я постоянно вижу ее?

Отец поначалу говорил, что я не могу ее "отпустить", что мне нужно научиться относиться к смерти, как к неизбежности. Ведь это то, чего нельзя изменить. Еще отец говорил о судьбе, о предназначении, о том, что у каждого свой путь и свое, отведенное на земле, время. Меня раздражали эти разговоры. В юности сложно смириться с неизбежностью и предопределением, думается, что все всегда все должно идти так, как хочется. Поэтому мне хотелось делать все наперекор отцу, менять мир и судьбу своими руками. Чтобы отец понял, что я сильнее какого-то там предопределения.

Я не смирилась со смертью мамы и не собиралась мириться с тем, что отец называет судьбой. Поэтому я изменила свой внешний облик, поведение и даже музыкальные вкусы. Замкнутая, молчаливая девочка в вечно мятом школьном пиджаке превратилась в отвязную рокершу в короткой кожаной юбке, с синими прядями в волосах. Я хотела бунтовать, хотела, чтобы окружающие видели и слышали меня,

поэтому стала вести себя дерзко и вызывающе, а подчас шокирующе. Какая-то внутренняя сила, словно морская волна, заставляла меня терять голову от бешеной жажды жизни.

Отец не смог найти подход к той девушке, в которую я переродилась, я стала неудобна ему, поэтому два раза в неделю мы с ним стали ходить к психологу – приятной женщине, которая разрешала мне лежать на кожаном диване, не снимая кроссовок. Закинув ногу на ногу, я болтала с ней о всякой ерунде, и при этом даже близко не подпускала к своей истинной боли, которая была похожа на спутанный клубок ниток, из которых мама вязала теплые свитера отцу на зиму. Женщина-психолог изо всех сил пыталась подергать то за одну, торчащую из клубка, ниточку, то за другую, но все было без толку. Я либо замолкала, либо начинала врать. Не могла же я рассказать чужой, незнакомой женщине о том, что вижу свою умершую маму так же отчетливо, как ее саму, и что возле меня постоянно вьются ее черные стрекозы, которых на самом деле не существует?

Сеансы с психологом не приносили облегчения. Мне становилось спокойнее только после душевного разговора с Ником. Ник был моим лучшим другом. Да нет, кому я лгу? За несколько месяцев нашей смс-переписки, я так привыкла к нему, что это стало похоже на зависимость. Ник очаровал меня искренним участием в моей жизни, вниманием и заботой, и вскоре я по-настоящему влюбилась в него.

Да, я влюбилась в человека, которого ни разу не видела,

но при этом мне казалось, что я знакома с ним всю жизнь. Я была счастлива от того, что у меня есть мой Ник. Вот только было одно "но" – мы общались лишь по телефону. Ник был моим виртуальным другом. Мы познакомились, когда он по ошибке отправил мне сообщение с грустным смайликом. Как выяснилось позже, у Ника в жизни тоже случилась потеря – его бросила девушка, и он остро переживал расставание. Мой номер телефона отличался от номера этой девушки всего одной цифрой. Я все время думала о том, что случайная ошибка оказалась вовсе не случайностью для нас двоих.

Мы начали общаться – утешали друг друга, смешили, отвлекали от грустных мыслей. Мы быстро научились распознавать по смайликам и даже знакам препинания, какое у нас обоих настроение. Постепенно, мы становились все более откровенными друг с другом, точнее сказать, я стала откровеннее.

Я даже не заметила, как стала делиться с ним такими личными вещами, о которых бы никогда не рассказала ни отцу, ни подругам. С Ником было легко и просто – он ничему не удивлялся, на все реагировал спокойно и с пониманием. Это всегда располагает. Ник знал все и о моих стрекозах, и о том, что я вижу призрак своей матери. Он знал, что я чокнутая, не такая, как все, но не удивлялся этому. Это располагало вдвойне. Человек, который принимает и уважает не только тебя, но и всех твоих "тараканов" – это не человек, это человечище, за которого нужно держаться обеими руками. Так я

и делала, только держалась не за самого Ника, а за телефон, благодаря которому мы общались.

Я отправила Нику много своих фотографий. В основном, это были дурацкие селфи, которые его веселили. Признаюсь, несколько из отправленных фото были слишком откровенными для ученицы выпускного класса. Просто захотелось в какой-то момент его шокировать, и у меня это получилось. Но сама я при этом видела только одно его фото – до одури красивое, улыбающееся лицо на фоне природы на аватарке мессенджера. Он не любил фотографироваться, несмотря на то, что был очень фотогеничным, на мой взгляд. Я увеличила это единственное фото, распечатала и все время носила с собой в рюкзаке. Перед сном я смотрела на Ника и мечтала о том, что когда-нибудь мы с ним встретимся и... Я не знала, что будет потом. Возможно, мы поймем, что жить друг без друга не можем. Или это слишком детский вариант?

В определенный момент Ник стал для меня очень важным человеком в жизни, несмотря на то, что отец даже не знал о нем. Я писала Нику "доброе утро", едва открывала глаза. А убирала телефон под подушку поздней ночью, предварительно отправив ему пожелание доброй ночи. Ник, обычно, отвечал сразу же. Я привыкла к этому и начинала нервничать и злиться, если он вдруг молчал. Позже он объяснял свое молчание занятостью или неполадками с сетью, и мне тут же становилось стыдно за свои детские обиды. Однажды я не выдержала и написала:

"Не могу больше скрывать. Хочу, чтобы ты знал. Я люблю тебя."

Спустя минуту длительного ожидания я получила ответное сообщение. Открыв его с отчаянно бьющимся в груди сердцем, я прочитала:

"Я тоже тебя люблю! И не только потому, что видел твои голые фото, но и по другим причинам!"

Я прочитала сообщение еще раз, а потом ещё и еще. Наверное, миллион раз я прочитала в тот день эту строчку. Мне стало так легко от осознания того, что мои чувства взаимны, что, казалось, даже боль, которая была со мной, взяла и отступила, перестала душить. После этого наше общение с Ником почти не поменялось, но мне было тепло от того, что он, такой умный, веселый и заботливый, меня любит.

Когда я предложила ему встретиться, Ник радостно поддержал мою идею, но мы решили отложить встречу до того момента, пока нам обоим не исполнится восемнадцать. Я терпеливо ждала, но сегодня, в один из самых хмурых и холодных дней поздней осени, на меня вдруг накатила странная тоска по этому поводу. Одиночество показалось невыносимым, еще и эти видения!

Нет, психолог не поможет. Со мной что-то конкретно не так, но я боялась признаться в этом отцу. Лежа на ковре в своей комнате, которая уже давно нуждалась в уборке, я слушала тяжелую, разрывающую мозг, музыку на полную катушку, а потом написала Нику сообщение, что хочу встре-

титься. Не получив ответа, я пошла по городу, куда глаза глядят, лишь бы не оставаться там, где все по-прежнему напоминало о маме.

Даже отец напоминал мне о ней. Я ненавидела его за это. Они с мамой были красивой парой, поэтому, его лицо сразу же вызывало во мне массу воспоминаний. Как ему самому не хочется умереть от того, что ее больше нет? Как он может вообще пытаться жить дальше, общаться с людьми и даже подвозить до дома свою молоденькую практикантку? Я ненавидела отца за это ещё сильнее. Он мог жить без мамы, он видел свое будущее без нее, хоть и говорил все время о том, что понимает мою боль. Он ничего не понимал.

Я быстро шагала по серому лабиринту города, глядя себе под ноги, ежась от пронизывающего ветра, а когда дошла до нового района, состоящего из кучки цветных высоток с яркими детскими площадками, остановилась и села на качель. Мамаши, выгуливающие своих жутких, вредных, орущих отпрысков, косо посмотрели на меня. Одна из них подошла ко мне и сказала строго:

– Девушка, уступите качели ребенку!

Я уставилась на нее тяжелым взглядом и ответила:

– Я еще сама не накачалась.

Она сначала отошла в сторону, но потом снова подошла ко мне, бубня монотонным голосом:

– Это детская качель, а вы же уже взрослая девушка.

– Мне пока ещё нет восемнадцати, так что, уважаемая ма-

маша, я тоже ребенок. По крайней мере, так мне говорят кассиры, когда я хочу купить ром и сигареты! Они говорят мне, что я еще маленькая! – воскликнула я, – Так что перестаньте наезжать на меня, а то сейчас сюда придет моя мама и покажет вам, как орать на меня! Ой нет... Не придет. Я снова забыла, что моя мама умерла!

Я выпучила глаза и захохотала, как ненормальная. Испуганные мамыши отпрянули от меня, разбежались в разные стороны, утягивая за собой упирающихся отпрысков. У меня никогда не будет детей, я никогда не стану такой приставучей и нудной, как они. Так подумала я, раскачиваясь на качели.

Когда качели остановились, я взглянула на серое небо. Казалось, плоские крыши домов касаются низких туч, повисших над городом. Захотелось тоже дотронуться до тучи рукой. Я вошла в первый попавшийся дом и поднялась на лифте на последний этаж. Удивившись тому, что дверь на крышу открыта, я залезла сначала на чердак, пропахший кошачьей мочой, а оттуда – на крышу. Вид на город, искрящийся в темноте огнями, был прекрасен, но до туч рука, к сожалению, не доставала.

Запиликал телефон, сердце мое затрепетало от волнения. Неужели, Ник? Я схватила телефон и прочитала на дисплее сообщение от отца:

"Дана, ужин в холодильнике. Я очень устал, ложусь спать, ждать не буду. Прошу, не задерживайся!"

Сжав зубы от подступающей к горлу злобы, я сунула телефон обратно в карман и встала на самый край карниза, разведя руки в стороны. Ветер шумел в крупных серьгах-кольцах, оглушал, бросал волосы в разные стороны.

О чем я тогда думала? О том, что, шагнув вперед, несколько секунд смогу почувствовать себя птицей, о том, что, возможно, окажусь рядом с мамой, о том, что Ник сильно пожалеет, что не ответил на мои сообщения. Я не смотрела вниз, я не собиралась прыгать, просто хотела почувствовать, каково это – быть в шаге от...

Телефон снова пиликнул. Я не хотела доставать его, но любопытство все же взяло верх.

"Если бы я знал тебя не так хорошо, я бы повелся на твои слова и испугался бы. Но ты совсем не так глупа, как иногда кажется!"

Так написал мне Ник. Я рассмеялась, запрокинув голову, потом села на карниз, сложив ноги по-турецки и зачесала пальцами растрепавшиеся волосы назад.

"Ты знаешь меня, как никто," – ответила я.

"Давай, рассказывай, где ты."

"Где-то на окраине города, на крыше одной из многоэтажек."

"И как вид?"

"Впечатляет."

Я вновь посмотрела перед собой – туда, где кончались дома и начиналось небо. Это и вправду было красиво.

“Я больше люблю природные пейзажи. Бескрайние леса, глубокие озера, величественные скалы – это, по-моему, лучшие виды!” – написал Ник.

“Да ты романтик! Я тоже люблю природу!” – моментально ответила я, хотя почти никогда не бывала на природе.

Для меня дикой природой был даже лесопарк за нашим спальным районом.

“Тогда тебе нужно побывать там, где я живу, в Карелии. Здесь виды просто нереальные! Будем с тобой любоваться красотой природы, лазать по скалам, собирать чернику и морошку и готовить грибной суп на костре,” – отправил мне Ник спустя пару минут.

“Вау! Я согласна! А когда?”

Я улыбнулась, взглянула в небо с замирающим от предвкушения сердцем, и ветер тут же снова растрепал мои волосы.

Сердце мое замерло, а потом выпрыгнуло из груди, бросилось вниз – туда, где по земле ходили люди, ездили машины и автобусы. Но оно не коснулось земли, а воспарило к небу. И мне хотелось полететь за ним – к серым тучам. Я раскинула руки в стороны и закричала от счастья. Неужели скоро мы увидимся с Ником? Телефон пиликнул. С замирающим сердцем я посмотрела на дисплей.

“Потерпи. Мы непременно увидимся, но позже. Еще не время.”

Не время? Он что, в такой форме вежливо отшил меня?

Я поменялась в лице. И тут вдруг произошло неожиданное.

– Девушка, милая, я не позволю, не позволю. Не шевелись, главное, не шевелись. Сейчас я помогу тебе.

Я вздрогнула от неожиданности, обернулась. Голос, внезапно раздавшийся за моей спиной, принадлежал крупному мужчине.

– Кто вы такой? – возмутилась я, поднимаясь на ноги и от страха пятясь к самому краю карниза.

– Я Дима. А тебя как зовут? Прошу, только не прыгай! Давай руку, – мужчина протянул мне широкую мозолистую ладонь.

– Уходите отсюда! Что вам от меня надо? – закричала я, испугавшись дикого блеска его глаз.

Мужчина растерянно вытер пот со лба той самой рукой, которую тянул ко мне секунду назад, а потом мощным прыжком преодолел разделяющее нас с ним расстояние. Схватив мои ноги, он взвалил меня на свое крепкое плечо и крепко прижал к себе.

– Отпусти меня, маньяк! Помогите! – закричала я, пытаюсь высвободиться.

– Я тебя отпущу только когда придут медики и поставят тебе успокоительное! Я их уже вызвал, пока ехал в лифте, – яростно проговорил мужчина и прижал мои ноги к себе еще крепче.

– Ты что, думаешь, я самоубийца? – воскликнула я, – да я просто люблюсь видом! Я не собираюсь бросаться головой

вниз с этой крыши, я же не дура!

Мужчина тяжело вздохнул и проговорил:

– Я уже один раз ошибся – поверил словам, отпустил, а она взяла и прыгнула.

– Кто она? – непонимающе спросила я.

– Сестра моя... Наташей звали. Такая же была чокнутая на вид, как ты. Даже красилась так же, – с тоской в голосе проговорил мужчина.

– Да ты все не так понял... – начала я, но он не дал сказать.

– Уже десять лет я хожу по улицам, и смотрю на крыши высоток – вдруг кто прыгать соберется. Привычка выработалась. Я когда тебя с земли увидел – на самом краю со светящимся телефоном в руке, сразу все понял и кинулся в подъезд. Почему-то решил, что если успею тебя спасти, то мне полегче станет. Может, себя винить, наконец, перестану за Наташкину смерть. Так что, не проси даже, не отпущу.

– О, друг, прости, но, похоже, единственный чокнутый из нас – это ты, – сказала я, но мужчина лишь хмыкнул в ответ.

Вскоре из люка, ведущего на крышу, и вправду, показались люди в медицинских костюмах.

– Черт! – воскликнула я и от негодования укусила моего “спасителя” за плечо.

Тот вскрикнул, и тут же два санитары схватили меня за руки и за ноги, прижали к носилкам, умело и быстро пристегнули ремни.

– Суицидница? – строго спросила женщина-врач, тонкая

и хрупкая по сравнению с крепкими, здоровыми мужчинами.

Она проверила мои зрачки, пощупала пульс, а затем распахнула свой чемодан с лекарствами и стала наполнять шприц прозрачной жидкостью. Я страшно разозлилась.

– Нет, вы чего? Я часто сюда прихожу полюбоваться видом, – как ненормальная заорала я.

– Девчонка явно не в себе. Едва не сбросилась с крыши. Я ее с самого края снял. С самого края! Еще бы несколько сантиметров и... все! Лежала бы лепешкой на тротуаре, как моя сестра, – торопливо проговорил мужчина, потирая прокушенное плечо.

Боль от укола пронзила меня насквозь. Я вскрикнула и громко выругалась. А потом мне стало так обидно от того, что в очередной раз все в моей жизни идет не так, как я хочу, что я сморщилась и разревелась. Горячие слезы текли по лицу и скатывались в ушные раковины.

– Молодая ведь еще, а дома-то, наверняка, родители ждут, нервничают!

Голос мужчины звучал трагично. Мне хотелось, чтобы этот дурак заткнулся. Но он все бубнил и бубнил. Молодые, крепкие санитары с равнодушными лицами взяли носилки и понесли меня вниз по лестницам, перед моими глазами медленно плыл грязно-белый потолок, и время от времени мелькали тусклые лампочки. Я редела, но вскоре, под действием сильного снотворного, уснула – резко, словно провалилась

не в сон, а в серую яму, наполненную пустотой...

Проведя несколько недель в психиатрической клинике, я вернулась домой. Поначалу я вела себя идеально, училась дистанционно, готовилась к экзаменам, не включала больше музыку на полную катушку, не наносила на лицо боевой раскрас, но отец все равно относился ко мне так, будто я невменяемая. Последней каплей стало то, что он нанял сиделку – строгую, неприступную тетку, которая контролировала каждый мой шаг и не выпускала на улицу. Отец больше не доверял мне и боялся оставлять дома одну, как будто я тут же сигану из окна или надышусь газом. Самое ужасное, что могут делать родители – не верить детям. Очень скоро я не выдержала гнета и постоянного недоверия со стороны отца, сорвалась и убежала из дома. Какое-то время я скиталась по улицам в одиночестве.

В те дни я написала Нику сотни сообщений, мне некуда было идти, и я рвалась приехать к нему, но он не отвечал мне. А потом я познакомилась с какой-то компанией, которую встретила в подворотне, и неделю тусовалась с ними по чердакам, подвалам и каким-то вонючим бомжатникам. Большинство из этих ребят были наркоманами и вели аморальный образ жизни, но с ними, такими же одинокими и непонятыми, мне было лучше, чем дома. В алкогольном дурмане стрекозы летали вокруг меня еще чаще, но мне уже не было до них дела.

В этой сомнительной компании у меня появился парень – наркоман Савелий с печальными глазами. Он был со мной нежен и ласков, воровал мне шоколад и жвачки в супермаркетах. Сначала мне было стыдно от того, что я как бы предаю Ника, но телефона у меня не было – Савелий продал его, чтобы купить себе очередную дозу, поэтому постепенно мои угрызения совести сошли на нет.

Потом Савелия сменил Артур, главарь нашей группировки. Но он был слишком необузданным и злым. Я его не любила, просто дико боялась вспышек его бешеного гнева. Мне даже казалось, что он может убить меня. Однажды мы повздорили, подрались, Артур выхватил нож и замахнулся на меня. И тут я почувствовала, что со мной творится что-то неладное. У меня как будто выросли огромные зубы. Я скалилась и не могла закрыть рот. Артур испуганно отпрянул от меня и схватился за голову, вероятно, думая, что у него глюки от алкоголя, перемешанного с чем-то еще более сильным. Он, кстати, бросил меня из-за этого случая.

Кончились мои приключения тем, что отец все-таки разыскал меня с помощью своих знакомых. Меня вытащили из какого-то бомжатника в одной майке и трусах и увезли домой. Отец посадил меня под замок, я в ответ закатила ему истерику, разбила окна в своей комнате и порезала вены стеклом. Отец снова вызвал врачей. Меня увезли в больницу и стали лечить от нервного срыва и от психического расстройства.

Так повторялось несколько раз: Я сбегала, пряталась, связывалась с непонятными компаниями. А отец искал меня и находил. Своим недоверием он сам доводил меня до новых срывов, а потом сам же вызывал врачей. Может, ему стало удобно – сдавать меня в психушку, и несколько недель жить спокойно?

Честно признаюсь, я не заметила, как пролетело два года. Кажется, я проспала большую часть этого времени. А потом я друг поняла, что скоро мне исполнится двадцать. Уже двадцать! У моей мамы в двадцать лет уже была я, а я все еще считала себя сложным подростком. Конечно, эти два года принесли мне немало перемен. Я не слушала больше тяжелый рок, не носила вызывающую одежду, не встречалась с плохими парнями. Я отрастила длинные волосы и даже кольцо из носа, и то давным-давно вынула и выкинула в унитаз.

Стало ли мне лучше? Не знаю. Сама я изменилась, стала спокойнее от лекарств, но стрекозы продолжали летать у моего лица, мама иногда садилась на край моей постели и грустно смотрела на меня. Так что, можно сказать, ни одно лечение мне до конца не помогло. И вот, недавно, когда я вернулась домой из клиники, где пробыла последние шесть недель, отец торжественно сказал, что хочет отвезти меня туда, где мне, по его словам, точно помогут.

– Это похоже на пансионат, только находится он не в городе, а на лоне природы, – с горящими глазами сказал отец, –

там гарантируют излечение не только души, но и тела. Представь, что ты, как в детстве, поедешь в пионерский лагерь! К осени вернешься домой, как новенькая.

Наученная горьким опытом, я ничего не ответила, лишь отвернулась и тяжело вздохнула. Мне не хотелось никуда ехать, я хотела пожить дома, ощутить себя человеком, а не пациентом с психическим расстройством. Мне хотелось лишь одного – чтобы отец ушел из моей комнаты, оставил меня хоть ненадолго одну. Но он все говорил и говорил, избегая смотреть мне в глаза, глядя куда-то в потолок.

– А расположен этот пансионат в Карелии! – воскликнул отец, – Я однажды был там. Мне кажется, там сама природа лечит!

– Где? В Карелии? – удивленно переспросила я.

– Да-да! Место называется Лай... Лаайниккен, – еле выговорил название отец.

Мои глаза округлились от удивления. Я тут же вспомнила о том, как мы с Ником когда-то договаривались сбежать в Карельские леса, жить там дикарями, ловить рыбу в чистейших озерах и варить грибной суп на костре... Точно уже не помню, но было что-то в этом духе. Как же давно это было! Казалось, что не два года прошло с тех пор, а целая жизнь.

– Только представь, Дана! Природа, лес и озеро, которое с древних времен известно своей чудодейственной целительной силой, – не умолкал отец, – У хозяйки этого места, шаманки Анны, есть особый метод лечения душевнобольных.

Она называет своих пациенток «сестрами Някке». Звучит странно и необычно, правда? Някке – это дух-хранитель одного из карельских озер, в которого там все поголовно верят. Он-то и дарует таким, как ты, исцеление. Так написано на их сайте.

– Някке? – переспросила я, широко улыбнувшись.

– Някке, – вполне серьезно ответил отец.

– Пап, вот скажи мне! Ты, взрослый, умный человек, веришь в то, что в озере живет дух по имени Някке?

– Бывают ситуации, когда человек готов поверить во что угодно.

Отец насупился, помолчал, потом встал, взъерошил свои волосы и снова заговорил::

– Это ведь не бесплатно, Дана Цены у них там, надо сказать, заоблачные. Но зато, наверняка, есть гарантия. Современные духи тоже требуют денег. В нашем мире за все платить, вот так-то...

Мы оба рассмеялись, и отец подошел ко мне и обнял меня за плечи.

– Не знаю, пап, – сказала я, заглянув отцу в глаза, – звучит так, будто это секта. Мутно все как-то. Меня там не расчленият?

Отец взял меня за руки и крепко сжал их, как будто через рукопожатие хотел передать мне свое воодушевление.

– Метод работает, это главное, Дана! Я читал отзывы реальных людей. У одного мужчины сестра была больна шизо-

френией. Так вот, недавно она вернулась оттуда полностью здоровой. На сайте даже интервью с ней есть.

– Пап, шизофрения не лечится. Ни один дух не способен избавить человека от неизлечимого недуга, – безразлично произнесла я.

– Ты сейчас говоришь нудно, как врач, Дана, – вздохнул отец, – мне тоже было сложно в это поверить, но та девушка сейчас живет обычной жизнью.

После этого отец приволок из кладовки большой чемодан и радостно проговорил:

– Завтра с утра выезжаем. Ехать туда часов семь, если не больше, поэтому будь готова отправиться в путь рано утром. Собери вещи сегодня, а лучше прямо сейчас.

– Хорошо, как скажешь, – послушно ответила я, а про себя подумала, – Ты же все равно от меня не отстанешь!

Когда отец ушел на кухню, я задумчиво уставилась в потолок. Возле переливающейся люстры летали черные стрекозы. Я зажмурилась, помассировала виски, потом достала из кармана телефон, задумчиво покрутила его в руках, нашла давно позабытый номер Ника и набрала сообщение:

«Привет! Не знаю, зачем пишу. Скорее всего, ты давным-давно удалил мой номер... Это Дана. Завтра я еду в Карелию. Отец везет меня на лечение к какой-то шаманке. Я сразу вспомнила о тебе...»

Через пару минут телефон завибрировал, и я вздрогнула. «Я рад, что ты объявилась, Дана! Может быть, увидимся!»

Я вздохнула, подошла к книжной полке и достала из “Трех мушкетеров” потрепанное фото Ника. Улыбнувшись, я на пару секунд прижала фото к губам. Весенний ветер рвался в открытое окно, трепал мои волосы. Я открыла чемодан и начала небрежно кидать в него первую попавшуюся одежду из шкафа. Тогда я еще не знала, что там, куда я еду, одежда мне не понадобится...

Глава 2

Мы ехали долго – большую часть времени по трассе, а когда свернули на грунтовую дорогу, то мне стало казаться, что ей не будет конца. Но навигатор вел нас вперед. А потом у отца ни с того, ни с сего вдруг заглохла машина. Я открыла глаза и посмотрела в окно. По обеим сторонам дороги возвышался лес, все здесь было величественным, диким и безумно красивым. Но при этом мне было не по себе – грудь то и дело сжималась от страха и волнения. Я пыталась представить себе место, в которое мы едем. На сайте, который мне показал перед отъездом отец, было несколько красивых фотографий – озеро, скалистый берег и такой же, как здесь, высокий, загадочный лес. Вот только я никак не могла представить во всем этом природном великолепии себя.

Пока отец нервничал и пытался разобраться в причине поломки, открыв капот и ворча себе под нос, я вышла размять ноги и с наслаждением потянулась, вдохнула чистый лесной воздух полной грудью.

Вокруг было тихо. Но эта тишина была иллюзорной. Из лесной чащи слышался скрип деревьев, пение неведомых птиц и шорох листьев, а воздух был наполнен терпкими ароматами леса. Меня вдруг бросило в дрожь, хотя на улице было довольно тепло. Я поежилась и обхватила себя руками. Интересно, что будет со мной, когда мы доберемся до ме-

ста, если уже здесь я трясусь и нервничаю от близости дикой природы? Я порылась в рюкзаке, нашла блистер с таблетками и проглотила одну.

Отец провозился с машиной несколько часов, но все же устранил поломку. За это время я успела поспать.

– Юность, проведенная в гараже не прошла даром! — торжественно произнес он, когда мотор все-таки завелся, — все-таки ничего в жизни не бывает просто так, все когда-нибудь пригождается.

– А я до последнего надеялась, что у тебя ничего не выйдет. Не хочу туда ехать! – мрачно ответила я, сооротив недовольную мину.

Отец положил свою ладонь на мою руку и сжал ее.

– Дана, я делаю все это только ради тебя. Ты вернешься домой здоровой. Я верю в это. Пожалуйста, не впадай в уныние.

“Пап, ты веришь в несусветную чушь!” – так мне хотелось прокричать ему в ухо, но я не могла, мои лекарства полностью подчиняли себе волю. Я принимала их три раза в день и была больше похожа на сомнамбулу, чем на живого человека. И, судя по всему, отцу было удобно, когда я была именно такой – ленивой, слабой, безвольной. Вот и теперь я не смогла ничего ответить ему вслух, моей силы воли хватило лишь на то, чтобы повернуть голову к окну и смотреть, как мы оставляем за собой бесчисленное множество деревьев...

Мы доехали до места с большим опозданием. Вечер уже вовсю вступал в свои права. Удивительно, но по лесу до самого озера шла накатанная колея. Видно было, что место не такое уж и глухое – сюда спокойно можно было проехать на внедорожнике. Отец оставил свое авто у высокого забора. На деревянной доске витиеватыми буквами было выведено название – “Лаайниккен”. Я вылезла из машины, с наслаждением потянулась и почувствовала, как меня тут же окутал густой, холодный воздух, пахнущий хвоей и мхом. Запах был настолько непривычным, что на меня накатило непреодолимое желание вернуться в машину и уехать отсюда. Пока я всматривалась в сумерки, накрывающие лес темной синевой, отец громко постучал в ворота деревянной колотушкой.

Нам не открывали, несмотря на то, что было еще не так поздно.

– Пап, может, приедем сюда в другой раз? Я хочу домой, – я сказала это самым жалостливым голосом, но это не подействовало на отца.

– Да что ты, Дана! Мы весь день провели в дороге, мы добрались до цели. Я не оставлю это так просто, на полпути! – воскликнул он, – я заплатил немалые деньги за то, чтобы тебя приняли здесь. Поэтому, если будет нужно, я перелезу этот злосчастный забор и разбужу здесь всех. Неужели они так рано ложатся спать?

Отец прислонился к забору в надежде увидеть хоть что-нибудь сквозь маленькую щель между досок.

– Пап, что это? – испуганно вскрикнула я, когда трава около меня зашуршала.

Мне показалось, что между кустами по земле проползло что-то большое и темное.

Отец оглянулся и пожал плечами.

– Не знаю, я ничего не видел, Дана. Да и темно уже, может, зверек какой пробежал, или змея проползла. В Карелии, кстати, много гадюк, ты бы надела сапоги, они лежат в багажнике!

Гадюка? Я вскрикнула и отпрыгнула от кустов. Звуки леса больше не казались мне приятными и безобидными. Я тревожно всматривалась в темноту, тут и там между деревьями мне мерещились силуэты страшных монстров и ползущих по земле ядовитых змей.

– Пап, мне страшно! – прошептала я.

Отец обернулся и обнял меня за плечи. А потом он снова подошел к воротам и постучался еще раз.

– Эй, да есть тут кто живой? – громко крикнул он с явным недовольством в голосе.

Рядом с нами снова что-то зашуршало, и темная тень скользнула по земле, а потом метнулась в высокие заросли. Я закричала от страха, и в эту самую минуту ворота перед нами резко распахнулись, и в открывшемся проеме показались две фигуры. Женщина держала в руках горящий фонарь и пристально смотрела на нас. На плече у мужчины, стоящего рядом с ней, лежала увесистая дубинка.

– Здравствуйте, – воодушевленно начал отец, но женщина подала ему знак молчать.

Она подняла перед его лицом ладонь. Мы не поняли, что значил этот странный жест. Приветствие или наоборот?

– Тише! Наступление ночи на Лаайниккене – ежедневная смерть. Не надо стучать. Войти в ворота вы сможете лишь утром, – произнесла женщина, и мы с отцом оба растерялись от ее недружелюбного тона.

– Извините, нам нужна Анна, хранительница озера, – взволнованно и торопливо заговорил отец, – я договаривался с ней насчет моей дочери. Мы переписывались по электронной почте. Вы знаете, где ее найти?

– Не Анна, а Айно. Мое имя Айно. Я вижу, что вы привезли девушку на Очищение, но, увы, я не пускаю за ворота ночных гостей. Это... Это как впустить внутрь тьму. Ничего хорошего после этого не жди.

Голос женщины звучал низко и загадочно.

– Пап, чего-то она какая-то странная, – шепнула я на ухо отцу.

– Тише, Дана! Это такая своеобразная методика, – взволнованно прошептал в ответ отец.

Почему некоторых людей называют сумасшедшими, в то время как других, таких же, гордо именуют “своеобразными”? Это открытие стало еще одним моим жизненным разочарованием. Я смотрела на высокую женщину, лица которой было почти не видно в темноте, и дрожала от волнения. А

она, заметив мой пристальный взгляд, сказала:

– Не тревожьте Хранителя и всех нас. Приходите с утра.

Отец взял меня за руку и потянул к машине.

– Хорошо, Анна, то есть Айно... Простите. Мы подождем до утра, переночуем в машине. Ничего страшного. Спокойной ночи, еще раз простите за беспокойство.

Она ничего не ответила, развернулась и пошла прочь. Ее спутник бросил недружелюбный взгляд в нашу сторону и закрыл ворота, оставив нас растерянно стоять за высокой стеной. Мы медленно пошли к машине, как друг откуда-то раздался страшный крик, как будто вдалеке, за высоким забором, кого-то резали на куски. А потом до нас донеслось пение – девичье многоголосье затянуло песню, слова которой я не могла разобрать.

– Ужас-то какой! Я же тут окончательно свихнусь. От страха! – прошептала я.

Наверное, отцу тоже было не по себе, но он не показывал этого и изо всех сил старался сохранить бодрый настрой. Подойдя к машине, он откинул сиденья и отдал мне свой дорожный плед. Я долго ворочалась в попытках уснуть. В салоне было душно, но я боялась открывать окна. Не потому, что в стекла бились разные причудливые, огромные, назойливо звенящие насекомые, а потому что в чаще леса мне то и дело мерещились длинные мрачные тени, которые двигались, как живые. Я понимала, что это всего лишь кусты и деревья раскачиваются от ветра, но мне все равно было не спокойно.

– Пап, мне здесь не нравится. Какое-то нехорошее предчувствие. И вообще, я не люблю природу! – прошептала я отцу, но тот ничего не ответил.

Посмотрев на него, я увидела, что отец уже крепко спит. От звука его ровного, спокойного дыхания мне вдруг стало невыносимо одиноко. Я достала телефон, открыла переписку с Ником и написала: «Ну все. Я на месте.»

«И как тебе Карелия?» – ответил он.

«Пока что странные ощущения. Жутковато.»

«Карелия прекрасна!» – написал Ник.

Я нахмурилась и убрала телефон. И он туда же!

Утром лес вокруг уже не казался таким мрачным и пугающим. Зловещие ночные тени рассеялись, и мои страхи быстро испарились. Ворота поселения уже были приветливо распахнуты, когда мы с отцом проснулись. Войдя на территорию, которая ночью была скрыта от наших глаз, мы обомлели от красоты, царящей вокруг. На берегу большого, кристально чистого озера стояло несколько деревянных домиков. Само озеро, окаймленное серой полосой каменистого берега, было потрясающе красивым – в центре его виднелся остров, густо заросший высоченными елями. А за островом, на другом берегу, окутанном туманной дымкой, чернел лес. Такой красоты я никогда и нигде прежде не видела.

На поляне, между домами, расположившись ровным полукругом, сидели девушки. Их было около десятка. Все они

были одеты в одинаковые платья из грубой мешковины, волосы каждой были заплетены в тугую косу. Женщина, сидящая в центре круга, увидев нас, прервала чтение, захлопнула толстую тетрадь в потрепанной обложке и поднялась с земли. Я поняла, что это та самая женщина, что говорила с нами накануне. Я удивилась ее красоте и стати – на ее лице не было ни грамма косметики, но оно будто светилось изнутри.

– Анна, доброе утро! – радостно воскликнул отец, когда женщина приблизилась к нам.

– Пап, ее зовут Айно, – поправила я отца.

Женщина строго взглянула на нас обоих.

– Ох, простите! Дырявая моя голова! Вот что значит не пил кофе с утра! – смущенно пробормотал отец и протянул руку женщине, – Айно! А меня зовут Вадим, это моя дочь, Дана.

– Приветствую!

Женщина кивнула отцу и пристально посмотрела на меня. В отличие от девушек, одетых в мешковину и от этого похожих на одинаковых серых мышей, Айно была одета в нарядное, светлое льняное платье, а ее пышные волосы цвета пшеницы с едва заметной проседью были распущены и красиво лежали на спине и плечах. На шее женщины висел амулет – деревянный круг с причудливо вырезанным на нем узором из четырех квадратов. При каждом движении на ее тонких, гибких руках звенели серебряные браслеты. Айно была немолода, но выглядела прекрасно, даже седина и мел-

кие морщинки в уголках глаз ее не портили, а, наоборот, добавляли образу глубины и мудрости. Пока мы сюда ехали, я представляла ее старой бабкой, и поэтому сейчас с удивлением рассматривала.

Шаманка, в свою очередь, тоже осмотрела меня с ног до головы, а потом торжественно произнесла:

– Приветствую тебя здесь, на Лаайниккене, дева. Запомни себя такой, какая ты сейчас – дурной, расколотой, как глиняный сосуд, заплутавшей в своей жизни, как в том густом лесу, по которому ты сюда добиралась.

Аино махнула рукой в сторону леса, браслеты снова приятно звякнули. Потом она взяла меня за руку. Ладонь ее была удивительно мягкой.

– Совсем скоро, дева, ты почувствуешь себя другим человеком. Станешь одной из нас, станешь настоящей сестрой. И тогда Някке, наш дух-покровитель, Хранитель Лаайниккена, возьмет тебя под свое крыло.

Низкий голос Аино завораживал своей глубиной, а пристальный взгляд серых глаз проникал прямо в нутро. Я смутилась, криво улыбнулась, не зная, что ответить на такое напыщенное приветствие, и отец тут же ободряюще похлопал меня по плечу.

Внезапно солнце зашло за большую тучу, и все вокруг потемнело. Аино тревожно взглянула на небо и покачала головой. Обернувшись к отцу, она сказала:

– Уходи, ты лишний здесь. Ты мужчина. Някке уже гне-

ваться начал! Кабы ураган не наслал на поселение...

– Разве мужчинам сюда нельзя? – спросил отец, – а как же ваш помощник?

Айно обернулась и взглянула на мужчину, стоящего неподалеку. Он не спускал с нас глаз и по-прежнему держал наготове свою дубину.

– Это Вейкко. Ему можно здесь быть, он пустоголовый, да к тому же, глухонемой. Хранитель Някке таких жалеет.

Отец задумчиво покачал головой, взглянул на меня напоследок, а потом Айно мягким движением руки подтолкнула его к воротам.

– Все будет хорошо, доченька! Верю в твое исцеление! Скоро увидимся! – сказал на прощание отец, а потом Вейкко закрыл за ним ворота, разрисованные изнутри причудливыми карельскими орнаментами.

Я растерянно смотрела на высокий забор, в один миг разделивший мою жизнь на "до" и "после". Айно подошла ко мне, взяла за руку и посмотрела мне в глаза долгим, пристальным взглядом.

– Темная ты дева, Дана, – загадочно произнесла она, – ну ничего. Някке, наш Хранитель, всех очищает. И тебя очистит, если будешь искренне почитать его.

Я хотела ей сказать, что не согласна и вовсе не считаю себя темной, но Айно схватила меня за руку и повела в ту сторону, где девушки сидели на траве, смотрели на нас и терпеливо ждали возвращения Айно.

– Сестры! – громко проговорила Айно, когда мы вместе подошли к ним, – в сей прекрасный весенний день к нам пришла новая сестра! Принимайте в семью!

Девушки рассматривали меня, тихо перешептывались между собой, но ни одна из них ничего не сказала вслух. Мне показалось, что настроены они не слишком дружелюбно.

– Ее имя Дана, – продолжила Айно, – и пока в ее глазах я вижу только сплошную тьму. Ни одного проблеска света нет в ее душе.

Она замолчала, а потом сказала чуть тише:

– Вы знаете, сестры, что нужно сделать с новенькой, чтобы она смогла войти чистой в женскую спальню.

В наступившем молчании я уловила жужжание шмеля, летающего где-то рядом от цветка к цветку. В мою душу закралась смутная тревога. Взгляд Айно стал строгим, и девушки тоже напряженно смотрели на меня. Потом, по знаку шаманки, они дружно поднялись с земли, обступили меня со всех сторон, по очереди поднимая руки к небу. Их движения были похожи на танец, они касались меня кончиками пальцев, пели едва слышно, шептали по очереди мне на ухо странные, непонятные слова. Их одинаковые серые платья беспрерывно мелькали передо мной. У меня закружилась голова от этого бесконечного круговорота. Постепенно прикосновения становились все более ощутимыми.

– Эй, что вы делаете? – спросила я, отталкивая от себя тонкие руки.

Но вместо того, чтобы уgomониться, они стали цепляться пальцами за мою одежду, пытаюсь сорвать ее с меня. Одна из них, голубоглазая девушка, с густой светлой косой, склонилась к моему уху и прошептала:

– Лучше стой и не дергайся, так все пройдет легче и быстрее.

– Что – все? Прекратите! Что вы делаете? – закричала я, услышав, как моя новая черная рубашка с блестящими стразами трещит по швам.

Следом за рубашкой в ход пошла водолазка. Девушки стянули ее с меня и откинули в сторону, топча ее голыми пятками. Вскоре я стояла перед ними абсолютно голая, стыдливо краснея и пытаюсь прикрыть наготу руками.

– Верните мне одежду, сумасшедшие дуры! – зло процедила я сквозь зубы.

Но тут девушки расступились, и передо мной вновь возникла Айно.

– Что тут происходит? О таком мы не договаривались! – что есть сил закричала я, – отдайте мне одежду, я хочу уйти!

– Сначала ты должна стать чистой, Дана, – громко сказала Айно.

Айно сделала знак девушкам и проговорила:

– Ведите ее на омовение к Священному озеру!

Не успела я опомниться, как тут же десятки девичьих рук схватили меня и потащили к озеру. Берег озера был каменистый, скользкий. Вблизи картинка была еще красивее, но в

тот момент мне было наплевать на красоту природы, я была слишком шокирована тем, как со мной обращаются эти, так называемые, сестры.

Девушки, тем временем, отпустили меня, и я поскользнулась и упала на камни.

– Ай! – вскрикнула я, больно ударившись.

– Не противься, дева, заходи в воду, – голос Айно прозвучал надо мной.

– Зачем? – закричала я, – вы тут все сумасшедшие что ли? Что за первобытные обряды?

– Слишком много шума, слишком много ненужных вопросов! Ты дерзкая! Някке таких не любит!

Айно вновь выразительно взглянула на девушек, щелкнула пальцами, и они тут же снова подхватили меня и поволокли в воду. Вода в озере была ледяная и пронизывала холодом насквозь. В тело будто впились разом тысячи острых иголок, но меня заводили все глубже и глубже.

Я закричала, затрепыхалась, пытаюсь вырваться из цепких девичьих рук, но у меня ничего не получалось. Когда вода стала доходить мне до подбородка, кто-то из девушек схватил меня за плечи, и я тут же с головой ушла под воду. Спустя несколько секунд я вынырнула, но опомниться мне не дали, я снова скрылась под водой. В этот раз в голове моей застучали молотки, а легкие стало жечь огнем. И опять, когда меня отпустили, я даже не успела толком отдышаться, как меня уже снова толкало под воду множество рук.

“Они же меня не убьют, они не могут меня убить!” – проносилось в моей голове, пока я хватала ртом воздух, пытаюсь держаться из последних сил.

Я сбилась со счета, сколько раз меня окунали в воду. В голове все смешалось, сознание помутилось. Я пришла в себя уже тогда, когда лежала на земле, голая, мокрая, продрогшая до костей. Девушки молча сидели вокруг меня, а двое из них пели странные радостные песни и расчесывали мои волосы деревянными гребнями. Испуганно осмотревшись вокруг, я села, прикрывая руками обнаженную грудь. Когда мои волосы были заплетены в тугую косу, ко мне подошла Айно и надела на меня колючее платье из мешковины – такое же, как у остальных сестер.

– Омовение прошло хорошо, Священное озеро приняло тебя, Дана. Внешняя грязь и тьма с тебя смыты. Теперь ты наша сестра. Благословляй Някке вместе с нами! – произнесла Айно и поклонилась в сторону озера.

Девушки повторили за ней и тоже дружно поклонились. Одна из них больно ударила меня по спине, и я тоже склонилась в поклоне, чувствуя, как грубая мешковина дерет кожу. Потом Айно поднесла мне чашку с дымящейся жидкостью.

– Пей, пока травы горячие. Они согреют и успокоят тебя. Дрожащими руками я взяла чашку и отпила несколько глотков. Мне и вправду, стало тепло и приятно внутри от этого травяного напитка.

– Запомни, сестра, – Айно повернула ко мне свое краси-

вое лицо, – без моего разрешения к озеру подходить нельзя. Воды в нем священны, дух-хранитель дремлет в темных глубинах. Просто так его нельзя беспокоить. К озеру подходить запрещено, за границы поляны уходить тоже нельзя. Из спальни после отбоя выходить нельзя. Заниматься своими делами запрещено. Ты все время должна быть вместе с другими сестрами и делать то, что делают они. Поняла?

– Поняла, – тихо ответила я, стуча зубами от холода.

Айно широко улыбнулась и проговорила торжественным голосом:

– Вот и славно! А теперь, Юлиана покажет Дане ее место в спальне, а остальных я попрошу вернуться к пению рун.

Голубоглазая девушка со светлой косой тут же взяла меня за руку и уверенно повела к одному из деревянных домов.

– Как же я благодарна тебе, что ты заткнулась после первого купания, – сказала Юлиана, – а то некоторые продолжают орать дальше, и приходится повторять все заново, а это ужасно бесит.

Я смотрела на Юлиану, округлив глаза от удивления.

– Если честно, я подумала, что вы тут все чокнутые, как ваша шаманка! – воскликнула я, – как же приятно слышать речь нормального человека!

– Я тебя расстрою. Мы тут все ненормальные. И ты тоже, раз уж ты здесь, – усмехнулась Юлиана, – жди Очищения! После него поедешь домой. Только помни, что к озеру ходить нельзя. Если Айно увидит тебя у озера, то наказание

ждет всех. И вообще, будь послушной, соблюдай правила, так тебе и всем нам будет легче.

– Сплошные правила! Словно в тюрьму попала, – недовольно буркнула я себе под нос.

Но Юлиана услышала меня, обернулась и бросила через плечо:

– Привыкнешь. Поди и не к такому привыкала!

– Ты-то откуда знаешь? – удивленно спросила я.

– Все мы тут такие... – тихо ответила Юлиана.

Я пожала плечами и посмотрела по сторонам. Все-таки, места здесь были невероятно живописными. Природа, которая окружала меня со всех сторон, вдохновляла, прекрасные виды дарили смутное ощущение перемен. Может, зря я переживала? Может, все будет хорошо?

– А что такое очищение? Тоже какой-то обряд? – спросила я.

– Узнаешь, когда Хранитель Някке посмотрит на тебя.

– Что? – непонимающе спросила я, но Юлиана не ответила, только приложила палец к губам, давая мне знак молчать.

Мы вошли в деревянный домик – спальню, и в царящем внутри полумраке я увидела разложенные на полу вдоль стен тонкие подстилки, набитые шуршащей соломой. Ни кроватей, ни подушек, ни одеял здесь не было. Юлиана указала на одну из подстилок и прошептала:

– Здесь спала Ирина, она уже очистилась, уехала позавчера домой. Будешь спать на ее месте.

– Чудесно. О таком аскетизме я всегда мечтала, – с наигранным счастьем на лице прошептала я.

Я глубоко вздохнула, чтобы успокоиться, а потом осмотрелась. В дальнем углу спальни на одной из подстилок лежала девушка. Ее длинные волосы были распущены, а лица не было видно – оно было повернуто к стене.

– Почему она лежит? Заболела что ли? – спросила я, и Юлиана шикнула на меня с недовольным видом.

– Так-то здесь не принято говорить, а тем более, вслух! Говори тише, а лучше вообще молчи.

Юлиана повернулась в сторону лежащей девушки.

– Не обращай внимания, это Леля, она только вчера вернулась с очищения, ее пока лучше не трогать.

– Так это она вчера ночью кричала, как резаная? Мы с отцом слышали крики, – растерянно проговорила я, – что же это за Очищение такое?

Юлиана строго взглянула на меня и пожала плечами. С тяжелым сердцем я положила свой рюкзак рядом с соломенной подстилкой, на которую показала мне девушка и села, подтянув колени к подбородку. Мне здесь не нравилось, и с каждой минутой неприятное чувство тревоги усиливалось. Когда Юлиана ушла, я встала и подошла к лежащей девушке.

– Эй, – прошептала я, – с тобой все в порядке?

Она медленно повернула ко мне свое бледное лицо, и от ее пустого, застывшего взгляда по моему телу побежали мурашки.

– Леля, – прошептала я, – ты в порядке?

Девушка вдруг резко дернулась всем телом, а потом вцепилась в мои руки своими ледяными, растопыренными пальцами.

– Больно... – прохрипела она.

Я испугалась и вскрикнула от неожиданности, а Леля вдруг обмякла, повалилась на подстилку и закрыла глаза. Я поднялась с пола, отряхнула платье и вернулась на свое место. Достав из рюкзака телефон, я удивилась тому, что даже здесь есть связь. Дрожащими пальцами я набрала сообщение: "Здесь творится какая-то жесь. Надеюсь, я выживу".

Сигнал был очень слабым, но сообщение все же ушло. А через пару минут от Ника пришел ответ: "Уверен, ты как всегда преувеличиваешь, и все будет хорошо." Я улыбнулась. Оптимизм Ника всегда подбадривал меня. А ведь я уже и забыла, как хорошо мы с ним понимали друг друга!

Я отправила Нику улыбающийся смайлик, спрятала телефон и, взглянув еще раз напоследок на Лелю, вышла из спальни на улицу. Весенний день был светел и ясен, озеро шло мелкой рябью от налетающего легкого ветра, который пах природной свежестью. Я расправила плечи и пошла в сторону сидящих на земле девушек. Айно сидела в изножье деревянного идола и пела вполголоса руны, прославляющие Хранителя Някке. Время от времени она раскачивалась из стороны в сторону, закатывала глаза и начинала протяжно завывать, и девушки подхватывали этот звук и выли в тон

жрице.

Я отыскала глазами Юлиану и присела на землю рядом с ней. Мне ничего не оставалось, как повторять движения девушек, чтобы не выделяться неподвижной статуей на их фоне. Наверное, монотонные завывания усыпили меня, потому что перед моими глазами вдруг понеслись странные картинки. Я увидела маму – одетую в такое же серое платье, как у меня, с туго заплетенной косой. Мама улыбнулась мне, потом обернулась стрекозой и улетела ввысь – в синее весеннее небо.

... Когда чтение молитв и пение рун подошло к концу, девушки встали в хоровод и медленно пошли по кругу. Айно встала на колени перед деревянным идолом и несколько раз вознесла руки к небу, а потом ударилась головой о землю. Встав на ноги, она закрыла ладонями глаза и затихла, а мы продолжали медленно идти хороводом вокруг нее. Девушки опустили головы, я услышала, как Юлиана, стоящая рядом со мной, прошептала:

– Только бы не на меня...

Айно проговорила с закрытыми глазами:

– Смотри, Някке, да лучше смотри! Выбирай!

И девушки повторили хором:

– Смотри, Някке, да лучше смотри! Выбирай!

Хоровод стал двигаться быстрее. Юлиана, сжав мою руку, яростно потянула меня за собой. Перед глазами все завертелось, и у меня закружилась голова от стремительного движе-

ния по кругу. А потом Айно закричала:

– Замрите, девы, Хранитель Някке смотрит на вас!

И хоровод дернулся, остановился, кто-то из девушек не удержался на ногах, повалился на землю. Я остановилась, не дойдя пары шагов до лица деревянного идола. Девушка, остановившаяся напротив него, судорожно втянула воздух ноздрями. Я посмотрела на нее, лицо ее побледнело, вытянулось, глаза испуганно сверкнули.

Айно подошла к ней, поправила ее косу, а потом широко улыбнулась и произнесла торжественным голосом:

– Не бойся, Анжела! Честь тебе выпала, Хранитель Някке сегодня на тебя посмотрел.

Девушка задрожала, посмотрела на меня, как загнанный зверь. А Айно обернулась к остальным девушкам и проговорила:

– Топите баню для Анжелы, сестры. Парить ее будем. Да, смотрите, жарче топите!

Девушки тут же пошли в сторону деревянной бани. Я тоже пошла, стараясь не отходить от Юлианы ни на шаг.

– Что сейчас с ней будет? – встревоженно спросила я у нее.

Она посмотрела на меня и загадочно улыбнулась.

– Ты откуда взялась, такая любопытная? Потерпи, скоро сама все узнаешь!

С каждой минутой меня окружало все больше и больше загадок. Не люблю загадки! Не люблю неизвестность! Я опу-

стила голову и поплелась следом за сестрами.

Глава 3

Я не верила в духа озера, в некоего бестелесного Хранителя, которому нужно было поклоняться. Все эти языческие руны, молитвы и песнопения казались мне ненастоящими, наигранными, выдуманной самой Айно, которая зарабатывала на таких, как я, немалые деньги. Вот только о самом Очищении, которого ждали и одновременно боялись сестры, я так ничего и не узнала. И мне было очень любопытно, что это за обряд.

На днях мама снова приходила ко мне... Я внезапно проснулась среди ночи, открыла глаза, а она стоит передо мной, как живая, и в руках у нее – не то птица, не то бабочка. Она протянула ко мне руку, и я увидела на ее ладони большую черную стрекозу. Прозрачные, тонкие крылья задрожали, стрекоза взмыла в воздух и начала плавно кружить надо мной. Мамино лицо при этом было печальным.

– Даже тут ты со мной! – прошептала я, неотрывно глядя на маму.

В темноте ее лицо слегка светилось. Она взглянула вверх и исчезла, а я еще долго смотрела на насекомое, кружащее под потолком в поисках выхода.

– С кем ты говоришь? – послышался голос с соседней лужанки.

Я обернулась к Юлиане и, увидев, что она тоже не спит,

ответила:

– Ни с кем, так приснилось...

– Я уже не помню, когда мне последний раз снились сны, – грустно сказала девушка, – Наверное, всему виной эти травмы.

Юлиана перевела взгляд на сухой пучок, висящий над ее лежанкой.

– Скорей бы домой... – вздохнула она.

– Почему же ты не хочешь скорее пройти этот ритуал? Как я поняла, после Очищения все уезжают домой!

Юлиана странно взглянула на меня и отвернулась к стене.

– Не хочу, чтобы со мной это сделали...

– Что – это? – спросила я.

– То, что Хранитель делает со всеми девушками! – выдохнула Юлиана, – это отвратительно! Мерзко!

– Откуда ты знаешь?

– Видела.

– Расскажи! – оживилась я.

Юлиана покачала головой, упрямо сжала губы.

– Ты сюда приехала от чего очищаться? – зло спросила она.

Я удивленно пожала плечами.

– Ну... У меня есть некоторые проблемы с психикой.

– Я хочу очиститься от бредовых галлюцинаций, которые меня преследуют всю жизнь! – голос Юлианы прозвучал резко и неприятно, – и я не уверена, что то, что я видела на озе-

ре – это не очередная фантазия, порожденная моим больным мозгом.

Я слегка опешила от ее резкого выпада и ничего не ответила. Она еще какое-то время смотрела на меня, а потом отвернулась. Я лежала на спине, подложив руки под голову и смотрела в темноту. Внезапно рядом со мной по полу что-то прошелестело. Резко повернувшись, я увидела в проходе большую черную тень, ползущую по полу. Я вскрикнула и тут же вскочила на ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.